

УДК 165.4:316.42.051

РЕКУРСИВНАЯ ПАРАДИГМА В ИССЛЕДОВАНИИ ИСТОРИИ СОЦИУМА

Демидова Марина Владимировна^{1,2},
demidovamv@rambler.ru

¹ Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 410031, г. Саратов, ул. Соборная, 23/25.

² Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83.

Демидова Марина Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Поволжского института управления имени П.А. Столыпина – филиала РАНХиГС при Президенте РФ; магистрант Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

Актуальность данного исследования определена системной трансформацией социума в условиях глобализации. Она приводит к переосмыслению способов существования людей и вероятности изменения социокультурных норм и практик, составляющих социальную память общества, основная функция которой – поддержание социальной идентичности. **Цель работы:** формирование новой рекурсивной парадигмы в осмыслении истории социума. **Методы исследования:** общенаучные логические методы, компаративный, социосинергетический, органицистский подходы, теория фракталов, методология научно-исследовательских программ И. Лакатоса. Исследован процесс фиксации научного факта с позиций объекта и субъекта познания. **Результаты.** Выявлено преобладание дискурсивной парадигмы в исследовании истории социума, что потенциально способствует её фальсификации. Предложен проект новой рекурсивной парадигмы знания, ориентированной на восстановление связи между знанием о социальном факте и самим фактом социальной реальности. Применение рекурсивной парадигмы знания даёт возможность эмпирически проверить имеющееся теоретическое знание и спрогнозировать факты, наращивая тем самым защитный пояс научно-исследовательской программы. Определены основные векторы формирования предлагаемой парадигмы. **Выводы.** С помощью рекурсивной парадигмы возможно решение проблемы субъективного искажения факта на этапе его фиксации, что позволяет диагностировать состояние здоровья социума более достоверно. Последующие дискурсивные и субъективные интерпретации фактов обязательны и необходимы, так как способствуют их пониманию, а следовательно, развитию научного знания. Применение рекурсивной парадигмы знания позволяет исследовать историю социума с различных ракурсов, синтезируя различные мнения учёных. Это способствует более целостному видению истории социума. Рекурсивная парадигма, дополняя дискурсивную, способствует достижению соответствия дискурса фактам. Плодотворность такого парадигмального синтеза знаний возможна в рамках трансдисциплинарной философии.

Ключевые слова: Наука, методология, знание, социальная история, историческая память, социальный риск, дискурс, рекурсивная парадигма, факт, фрактал, трансдисциплинарность, здоровое общество.

Современная глобализация оказывает активное влияние на национальные социальные образования. Это выражается в том, что системная трансформация социума в экономической, политической, культурной и других сферах его деятельности приводит к переосмыслению способов существования и развития людей, что чревато рисками

изменения культурных кодов обществ [1]. В национальных масштабах такие способы существования зафиксированы в этических и социокультурных нормах и практиках (обычаях, ритуалах, составляющих социальную память конкретного общества и являющихся идентификаторами для их акторов).

Социальная память определяется как «средства, с помощью которых информация распространяется среди индивидов и передаётся от одного поколения к другому» [2], как «совокупность донаучных, научных, квазинаучных и вненаучных значений и массовых представлений социума об их общем прошлом» [3, с. 12]. Также «процесс изменения социальных конфигураций, актуализирующих различные исторические факты и их интерпретации» определяется как историческая память [4, р. 106–108]. В любом случае социальная память – неотъемлемая составляющая социальной истории и в локальных, и в глобальных масштабах её развития.

Понимание социальной истории сегодня часто рассматривается с позиций органицистского подхода как разновидности субстанционалистского, когда для её понимания исследователи часто применяют медицинские термины: «травма исторической памяти», «историческая амнезия». Например, «травма исторической памяти» понимается как «события, которые имеют деструктивное значение как для личной, так и социальной (в том числе национальной) идентичности» [5, с. 223]. Процесс создания и поддержания определённой социальной идентичности является основной функцией социальной памяти, которая в ситуации глобализации подвергается изменениям под воздействием других культур, что, в свою очередь, чревато идентификационными рисками [6, с. 88, 99]. Согласно Ж.Т. Тощенко, к травмированным обществам относятся те, которые длительное время стагнируют и/или деградируют в своём развитии [7].

Означает ли применение исследователями медицинской терминологии при исследовании социальной истории, что современное общество признаётся больным или же его здоровье только ставится под вопрос?

Для того чтобы это прояснить, попытаемся проанализировать методологию диагностики событий социальной истории. Насколько она эффективна и насколько достоверны её результаты? Ведь ошибка в диагнозе социума может привести к рискам его здоровью. При этом считаем важным учитывать представления исследователей относительно критериев разделения нормы и патологии применительно к здоровью общества.

Согласно системному подходу, раскрытому немецко-американским психоаналитиком и философом Э. Фроммом в середине прошлого столетия, здоровье общества – это система показателей его нормального функционирования [8]. Данная точка зрения разделяется и многими современными российскими учёными. Социологи П.И. Смирнов и Ф.П. Смирнов выделяют биологический, чувственный, экономический, правовой, информационный и нравственный компоненты здоровья, рассматриваемые в контексте устойчивого функционирования общества [9]. Другими словами, здоровым можно назвать то общество, в котором все его элементы функционируют сбалансированно на всех уровнях: на микроуровне (деятельность отдельного индивида), макроуровне (деятельность социальных групп) и мегауровне (деятельность социума в целом).

Если обратимся к исследованиям истории социума, сможем заметить, что ведутся они преимущественно в рамках дискурсивной парадигмы знания. Согласно С.Ф. Мартыновичу, специфика методологии исторического исследования обусловлена контекстом рационального дискурса, основным инструментом которого является логическое противоречие. Поэтому используются догматический и скептический, критический и аналитический, феноменологический и герменевтический методы, позволившие историкам классического и модернистского периодов развития науки создать концепты ис-

торического круговорота, линейного прогресса, множественности локальных цивилизаций. При этом даже эмпирическое историческое исследование отличается «приспособлением мыслей к фактам». Экспликация отношений между фактами осуществляется на фоне некоторого множества законов, характерных для данной научной картины мира. На фоне этих законов происходит интерпретация исторических фактов. В связи с чем концепции истории – это «множество смысловых целостностей», которые зафиксированы в языковой, то есть дискурсивной форме, и понимаются, исходя из объективных и субъективных моментов текста [10].

Одним из наиболее популярных современных подходов к исследованию социальной истории является конструктивизм, специфика которого состоит в стремлении мысленно воссоздать (сконструировать) историческое событие, исходя из существующих о нём знаний [11]. Как отмечает отечественный исследователь И.Д. Невважай, конструктивизм принадлежит к такой познавательной культуре, как культура создания текстов. Поэтому конструирование знания происходит в языковой форме, отличающейся субъективностью описания: «При субъективной фактофиксации реальность внешнего мира присутствует в субъекте, благодаря такому средству фиксации знания, как язык... Здесь отношение между знаком и его значением условно, произвольно, субъективно, поскольку значение "приписывается знаку"» [12, с. 91, 96]. В рамках альтернативного конструктивизму подхода – реализма – основной единицей анализа является «данное» как то, что может быть найдено в бытии мира. Процесс познания описывается реалистами относительно объектов, существующих до и независимо от субъекта познания [12, с. 94], так как основной принцип реализма гласит: осознавать можно только то, что уже существует [13].

Проблема соотношения субъективного и объективного знания в социально-историческом познании, согласно Е.Г. Блосфельд, обусловлена источниковедческой базой исследования, представленной преимущественно в текстовой, то есть в дискурсивной, форме (исторические тексты, летописи и др.). А поскольку историк сам производит отбор источников, а затем пытается понять их, исходя из своего профессионального и личного жизненного опыта, подключая к этому процессу своё воображение, то, несмотря на все его усилия воссоздать историческое событие объективно, субъективизма ему не миновать, так как доля субъективных факторов в этом процессе слишком велика. В связи с чем намеренная или ненамеренная фальсификация истории неизбежна [14]. Особенно наглядно такая множественно субъективная интерпретация истории представлена в политическом дискурсе: например, революция, произошедшая в России в 1917 г., и последующие за ней события, трактуются и оцениваются многими представителями современных политических российских партий и других политических сил совершенно по-разному [15]. Определяющее значение при осуществлении таких интерпретаций имеют ценностные ориентации исследователей [16]. Поэтому с научным мнением «сколько историков, столько и историй», не согласиться, к сожалению, невозможно.

Вероятность фальсифицирования знаний об истории социума приводит к возрастанию как научных рисков, так и социальных. Как справедливо отмечено В. Кроном, в культуре общества знания рискованной для большей части информации является безусловная вера в её достоверность. «Риск, связанный с получением знания, традиционно входящий в сферу научной ответственности и регуляции, в условиях использования результатов прикладного исследования становится риском социального действия» [17, с. 87].

Попытка преодоления методологического субъективизма в исследовании социальной истории, конечно, осуществлялась. Достаточно вспомнить работы М. Хальбвакса, например, «Социальные рамки памяти». Но назвать такую попытку успешной сложно, так как система исследовательских координат, очерченных М. Хальбваксом, и использованная им методология ограничены сферой дискурсов – социальным и научным [18]. Более того, М. Хальбвакс и другие исследователи, чьи годы жизни приходятся примерно на период до середины прошлого века, ещё не были знакомы с позитивистским понятием «парадигма», которое, скорее всего, может помочь решить проблему методологического субъективизма в исследовании социальной истории.

В 1962 г. постпозитивистом Т. Куном (1922–1996) было обосновано понятие «парадигма», определяемое им как тип построения знания, включающий в себя: 1) «дисциплинарную матрицу»; 2) «символические обобщения», имеющие формальный характер и применяемые членами конкретной научной группы (например, формулы законов); 3) ценности, принятые в данной научной группе (например, суждения о логичности, вероятности); 4) образцы решения проблем [19]. Формирование парадигмы основано на фактах, которые интерпретируются. Если появляются аномальные факты, не укладывающиеся в существующую парадигму, происходит научная революция, результатом которой является создание новой парадигмы. Другими словами, парадигма задаёт способ функционирования науки.

Большой заслугой Т. Куна является выявленная им зависимость результатов научных исследований от субъективных и психологических факторов научно-познавательного процесса. Такая трактовка создания научного знания была бы невозможна без предварительного долгого осмысления предшественниками-позитивистами вопроса о специфике научного знания. Почти все позитивисты пытались найти способы исключения из научного знания субъективистских наслоений. Но на этапе деятельности неопозитивистов, применивших методику логического анализа научного знания, был получен вывод о неустранимости субъективизма из знаний науки в целом.

По мнению британского философа-позитивиста и социолога К.Р. Поппера (1902–1994), причиной тупикового результата неопозитивистов являлось логическое обоснование научных знаний: «логическое обоснование одних высказываний посредством других результируется в регрессе» [20]. Поэтому им было разработано своё учение – критический рационализм, основанный на «принципе фальсифицируемости», согласно которому под научным знанием следует понимать то, которое допускает эмпирическую проверку, безотносительно к его объективности или субъективности. Создание данного принципа является существенным достижением для научно-исследовательской методологии, так как он является «мостом», соединяющим теорию и эмпирию и преодолевающим заикленность логического анализа на теоретических интерпретациях.

Позже «принцип фальсифицируемости» К. Поппера в синтезе с «парадигмой» Т. Куна стали основой для формирования нового методологического подхода, разработанного И. Лакатосом (1922–1974) и названного «методология научно-исследовательских программ»: в своём научном поиске учёный руководствуется программой, имеющей, во-первых, неизменяемое «твёрдое ядро», содержащее метафизические постулаты, и, во-вторых, динамический, то есть изменяемый, «защитный пояс», основная задача которого – приращение эмпирического содержания теории. Эффективность и прогресс научно-исследовательской программы определяется не только возможностью эмпирически проверить теоретические знания, но и её способностью предвосхищать новые факты [21].

Как видим, достоверность представления научной информации обусловлена парадигмой, применяемой учёным. Знания об истории социума представлены и исследуются преимущественно с помощью дискурсивного типа его построения: в исторических текстах, где зафиксированы рассказы о событиях жизни социума. Это связано с тем, что язык – это носитель знания; знание опосредовано языком. Он является коммуникатором между людьми, которые сохраняют знания, оформляя их в текстовую (дискурсивную) форму.

Дискурс – это речевая практика. Но он может быть и логико-формализованным рассуждением [22]. В рамках лингвориторического осмысления дискурс есть не просто формально-логическая структура, он включает в себя различные уровни языковой личности – мотивационный, лингвокогнитивный, вербально-семантический, – которые образуют «когнитивную риторику эффекта», используемую в качестве средства убеждения, где основным элементом убеждения является энергетический поток [23]. Дискурсивное транслирование знания может быть одновременно и фиксацией фактов, и их интерпретацией [24].

Что есть факт и как его достоверно зафиксировать?

В современной науке понятие «факт» имеет несколько значений: «1) объективное событие, результат, относящийся к объективной деятельности (факт действительности), либо к сфере знания и познания (факт сознания); 2) знание о каком-либо событии, явлении, достоверность которого доказана (истинна); 3) предложение, фиксирующее знание, полученное в ходе наблюдений и экспериментов» [25, с. 122–123]. «По содержанию научный факт представляет собой отражение объективного и действительного... Но по способу получения факт – это эмпирическое знание» [26, с. 19–20]. По мнению П. Фейерабенда, любые факты всегда даны в свете теоретических представлений [27].

Другими словами, способ получения факта и способ его фиксации влияют на истинность получаемого знания. Они должны быть повторяемы, то есть должны иметь возможность воспроизводить факт с целью его последующего представления в качестве доказательства достоверности. При дискурсивной фиксации факта вероятно внесение субъективных элементов в знание, особенно при его многократном дискурсивном воспроизведении разными интерпретаторами.

Как зафиксировать факт так, чтобы он был максимально достоверным? Иными словами, как воспроизвести факт не дискурсивно? Это возможно с помощью субъектно-нейтральной фактофиксации. В социально-историческом знании, как мы выяснили ранее, значения понятия «факт» варьируют между пониманием его в качестве объективного события, либо в качестве знания, либо в качестве знания об объективном событии, зафиксированного с помощью языка. Знание – это форма существования информации, осмысленной субъектом познания на основе его жизненного опыта. «Информация и знание – понятия отнюдь не тождественные... Знание предполагает опыт, а информация – чаще всего нет» [28, с. 189]. Это значит, что замена субъекта, фиксирующего факт, на субъектно-нейтральный способ фактофиксации, не позволит исказить факт на этапе его получения. В связи с тем, что языки подразделяются на естественные и искусственные, применение технологий, основанных на искусственных языках (не имеющих психоэмоциональной окраски, свойственной дискурсу), которые фиксируют информацию, может быть решением проблемы субъективизма в описании фактов.

Поэтому альтернатива дискурсивной парадигме социально-исторического знания – парадигма **рекурсивная**. Она основана на *рекурсивном принципе* – «принципе самовоспроизведения и одновременного усложнения системы согласно алгоритму собственного разворачивания по аналогии» [29, с. 23]. Рекурсивный (от лат. *recursio* –

«возвращение») – «возвращающий к прошлому, к предшествующему». Ключевым принципом *рекурсивной парадигмы социального знания* является «соответствие знания о факте наличию самого факта, удостоверяющего в своей реалистичности... Механизмом достижения такого соответствия является субъектно-нейтральная фактофиксация (её частный случай – искусственный интеллект), с помощью которой возможно повторное воспроизведение факта, осуществляемое безлично, например с помощью компьютерных программ, фотографии, видеонаблюдения» [24].

В основе нового представления о бытии как о целостной сложной системе, функционирующей на основе рекурсивного принципа развития систем, лежит общая концепция фракталов, созданная в 1983 году французским математиком Бенуа Мандельбротом, который сформулировал понятие «фрактал», образовав его от латинского *fractus* (разбитый, поделённый на части) [30]. В связи с чем фрактал понимается как «множество, размерность которого строго больше его топологической размерности»... Фрактал – это не статичная фигура с заданной формой, это вообще не «предмет»... Фрактал можно назвать бесконечным изменением самого себя. Этот процесс рекурсивен, обращён на себя. Изменяющаяся природа фрактала – это не движение во внешнем пространстве, а самодвижение, движение вглубь себя» [31, с. 28]. Фракталы самоподобны, что особенно явно обнаруживается в воспроизводстве живых систем: например, клетки живых организмов воспроизводят себе подобные клетки, воспроизводство человека есть поддержание развития социальных систем. С помощью данного понятия становится более понятным исследование и описание функционирования сложных самоорганизующихся систем, внутри которых происходит множество изменений, обусловленных и закономерными, и случайными процессами. Само понятие «система» как совокупность взаимосвязанных, взаимозависимых и взаимообусловленных элементов является центральным практически для всех наук – и естественных, и социально-гуманитарных. Более того, основным критерием научного знания является систематизированность знания, что приближает социосинергетический подход в совокупности с рекурсивной парадигмой исследования к пониманию их в качестве универсальной методологической позиции по отношению к исследованию социума как системы.

Рекурсивная парадигма знания максимально соответствует постнеклассическому пониманию науки, в рамках которой исследуются «сложные саморазвивающиеся системы, а также присутствует соотношение внутринаучных и вненаучных ценностей по причине социальной детерминированности любой деятельности, в том числе научной» [32, с. 81–82]. Большой интерес для современной философии представляет её новое направление «философия трансдисциплинарности» как попытка надпостнеклассического обзора современной ситуации исследования сложного. Трансдисциплинарность образует «качественно новую открытую системную сложность, сформированную особого рода «круговым», рекурсивным соотношением между ними» [33]. Специфика трансдисциплинарной методологии состоит в распространении этой методологии на такие исследования, «которые идут "через", "сквозь" дисциплинарные границы, выходя "за пределы" конкретных дисциплин» [34, с. 35]. «Знаниевые фрагменты сочетаются по принципу дополнительности, рекурсивности, создавая некий гетерогенный комплекс, ...каждое новое знание дополняет знание предыдущее, вступая в коэволюцию, формируя своеобразное "интенсивное измерение" исследуемого» [35, с. 173].

Применение рекурсивной парадигмы знания даёт возможность эмпирически проверить имеющееся теоретическое знание и спрогнозировать факты, наращивая тем самым защитный пояс научно-исследовательской программы. Это возможно благодаря тому, что фрактальное самоподобие элементов самоорганизующихся систем является

закономерной особенностью функционирования таких систем. Любое прогнозирование возможно исходя из знания законов, определяемых как объективные, существенные, внутренние, необходимые и устойчивые связи между явлениями, процессами. Законы являются механизмами реализации принципа рекурсии, согласно которому самовоспроизведение и усложнение системы происходит на основе алгоритма собственного разворачивания по аналогии. Применительно к социальным системам можно говорить об уникальности такого алгоритма для каждой конкретной социальной системы. При взаимодействии социальных систем возможно изменение этих алгоритмов, что и приводит к изменению культурных кодов социумов.

Механизмом, позволяющим исследователям достичь соответствие знаний о социальной реальности самой реальности является субъектно-нейтральная фактофиксация, с помощью которой возможно повторное воспроизведение факта с целью доказательств его осуществления.

Конечно, в данном случае речь идёт, во-первых, о современной социальной реальности, рекурсивная фиксация исторических фактов которой минимизирует искажение представлений о современности для наших потомков. Прошлую историю социума мы уже не сможем зафиксировать рекурсивно, если только не создать машину времени. Во-вторых, достоверность рекурсивно зафиксированных фактов возможна при осуществлении честного научно-исследовательского поиска. Здесь нужно учесть разделение субъектно-нейтрально зафиксированных фактов на художественные и документальные: художественные и документальные фильмы, постановочные и документальные фотографии и др. С развитием информационных технологий случаи подделок электронных документов нередки, поэтому сегодня мы можем наблюдать и увеличение количества методик выявления таких подделок, что регулируется также и юридически [36].

Логика наших рассуждений приводит к выводу о необходимости дальнейшего детального рассмотрения современных теорий социального структурирования и функционирования. Особый интерес в этом направлении могут представлять теории социального действия П. Бурдьё [37, 38], акторно-сетевая теория социальности [39], исследование социотехнических систем на основе принципа симметрии Д. Блуга [40] и социологии науки [41].

Таким образом, исследование специфики дискурсивной парадигмы исследования истории социума позволило выявить ряд недостатков её применения, главный из которых – субъективистские наслоения в получаемом знании, потенциально способствующие его фальсификации. Применение компаративного подхода к изучению дискурсивного типа построения научного знания позволило автору данной работы предложить новую альтернативную парадигму – рекурсивную. С её помощью решается проблема субъективного искажения факта на этапе его фиксации, что позволяет с позиций органицистского подхода диагностировать состояние здоровья социума более достоверно, объективно. Последующие дискурсивные и субъективные интерпретации фактов обязательны, необходимы, так как способствуют их пониманию, а следовательно, развитию научного знания. Рекурсивная парадигма, дополняя дискурсивную, способствует достижению соответствия дискурса фактам. Плодотворность такого парадигмального синтеза знаний достижима в рамках трансдисциплинарной философии.

Трансдисциплинарность в совокупности с рекурсивной парадигмой знания позволяют исследовать историю социума с различных ракурсов, синтезируя различные мнения учёных в отношении рассмотренного ими того или иного аспекта в одно обобщающее знание. Это способствует более целостному осмыслению истории социума, а по-

этому и более истинному пониманию изучаемых вопросов. Основными методологическими векторами дальнейшего формирования рекурсивной парадигмы научного знания могут быть: 1) принцип рекурсивности систем; 2) социосинергетический подход в совокупности с теорией фракталов, позволяющий рассматривать социум с позиции фрактальных (самодвижимых) систем; 3) создание научно-исследовательских программ на основе принципа рекурсивности систем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Устьянцев В.Б. Риски в условиях системной трансформации современного социума // Социологическая диагностика современного общества: Дыльновские чтения, 12 февраля 2016. – Саратов: Саратовский источник, 2016. – С. 195–200.
2. Crumley C.L. Exploring Venues of Social Memory // *Social Memory and History: Anthropological Perspectives* / Eds. J.J. Climo, M.G. Cattel. – Walnut Creek: Alta Mira Press, 2002. – P. 45–57.
3. Репина Л.П. Культурная память и проблемы историописания. – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 44 с.
4. Olick J., Robbins J. Social Memory Studies: from Collective Memory to the Historical Sociology of Mnemonic Practices // *Annual Review of Sociology*. – 1998. – V. 24. – P. 105–140.
5. Аникин Д.А. «Травма» памяти: стратегии конструирования в современном политическом дискурсе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2014. – Т. 2. – № 1. – С. 220–229.
6. Аникин Д.А. Трансформация исторической памяти в обществе риска // Люди и тексты. Исторический альманах. – 2014. – № 5. – С. 83–108.
7. Тощенко Ж.Т. Травма как деформация эволюционного и революционного развития общества (опыт социологического теоретизирования) // Социологические исследования. – 2017. – № 4 (396). – С. 16–26.
8. Fromm E. *The Sane Society*. – New York: Rinehart & Company, Inc., 1955. – 370 p.
9. Смирнов П.И., Смирнов Ф.П. Здоровье общества: от привычной метафоры к научному понятию // Российская социология: история и современные проблемы. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. – С. 207–222.
10. Мартынович С.Ф. Философия и методология исторического исследования: проблемы, методы, концепции // Конфликты в современном мире: международное, государственное и межличностное измерение. – М.: Перо, 2016. – С. 445–449.
11. Kent S. Historical Sociology // *Montgomery Encyclopedia of sociology* / Eds. E.F. Borgatta, J.V. Rhonda. – New York: Macmillan Reference USA, 2000. – V. 2. – P. 1195–1202.
12. Невважай И.Д. Взаимодополнительность конструктивизма и реализма в эпистемологии // Эпистемология и философия науки. – 2015. – Т. XLIII. – № 1. – С. 83–97.
13. Лекторский В.А. Можно ли совместить конструктивизм и реализм в эпистемологии? // Конструктивизм в теории познания. – М.: ИФРАН, 2008. – С. 31–42.
14. Блосфельд Е.Г. Объективность в историческом измерении // Люди и тексты. Исторический альманах. – 2016. – № 8. – С. 136–146.
15. Linčenko A., Anikin D. Revolution schlecht, Tradition gut Russlands Parteien und die Oktoberrevolution // *Osteuropa*. – 2017. – № 6–8. – S. 371–382.
16. Мартынович С.Ф., Орлов М.О. Ценностные основания бытия человека: философский и социокультурный анализ // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Философия. Психология. Педагогика». – 2017. – Т. 17. – Вып. 4. – С. 398–404.
17. Крон В. Риск (не)знания: о смене функций науки в обществе знания // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2003. – Т. VI. – № 3. – С. 69–89.
18. Halbwachs M. *La memorire collective* // *Revue française de sociologie*. – 1998. – № 39-3. – P. 624–625. URL: https://www.persee.fr/doc/rfsoc_0035-2969_1998_num_39_3_4827 (дата обращения 28.07.2018).
19. Kuhn T. *The structure of scientific revolution*. – Chicago; London: the University of Chicago Press, 1996. – 210 p.
20. Popper K. *Logik der Forschung*. – Wien: Springer-Verlag Wien GmbH, 1935. – 254 p.
21. Lakatos I. *Philosophical Papers. The methodology of scientific research programmes*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1978. – V. I. – 250 p.
22. Мароши В.В. Что есть дискурс? // Дискурс. – 1996. – № 2. URL: http://old.nsu.ru/education/virtual/discourse2_27.htm (дата обращения 28.07.2018).
23. Potapenko S. Cognitive rhetoric of effect: energy flow as a means of persuasion in inaugurals // *Topics in Linguistics*. – 2016. – V. 17. – № 2. – P. 12–25.

24. Демидова М.В. Методология постнеклассической науки: проект рекурсивной парадигмы социального знания // Гуманитарные научные исследования. – 2015. – № 8 (48). – С. 20–23.
25. Кохановский В.П. Философия и методология науки. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1999. – 576 с.
26. Мартынович С.Ф. Философский анализ научного факта: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1973. – 42 с.
27. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986. – 542 с.
28. Гайденко П.П. Информация и знание // Философия науки. Вып. 3: Проблемы анализа знания. – М.: ИФ РАН, 1997. – С. 185–190.
29. Зайченко М.А. К проблеме присутствия рекурсивного принципа в феноменах-конструктах философии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2010. – Т. 4. – № 4. – С. 23–26.
30. Mandelbrot B.B. The Fractal Geometry of Nature. – New York, W.H. Freeman and Company, 1983. – 460 p.
31. Зайченко М.А., Латыпова Г.М. Принцип рекурсии в гуманитарных и естественных науках // Карельский научный журнал. – 2014. – № 1. – С. 27–30.
32. Стёпин В.С. Особенности научного познания и критерии типов научной рациональности // Эпистемология и философия науки. – 2013. – Т. XXXVI. – № 2. – С. 78–91.
33. Аршинов В.И. На пути к наблюдателю-конструктору инновационной сложности // Инновационная сложность. – СПб.: Алетея, 2016. – С. 15–38.
34. Князева Е.Н. Трансдисциплинарная когнитивная стратегия в науке будущего // Вызов познанию: Стратегии развития науки в современном мире. – М.: Наука, 2004. – С. 29–49.
35. Богатая Л. Трансдисциплинарность: постнеклассический ракурс рецепции // Філософія освіти. Philosophy of Education. – 2015. – № 1 (16). – С. 168–182.
36. Голованов Е.Д., Симонян Ш.Р. Скрытые идентификационные метки электрофотографического оборудования // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. – 2017. – № 5 (33). – С. 182–188.
37. Bourdieu P. Le Sens Pratique. – Paris: Les Editions de Minuit, 1980. – 277 p.
38. Ignatow G. Beyond Bourdieu: from geneticstructuralism to relational phenomenology // Contemporary sociology – a journal of reviews. – 2018. – V. 47 (1). – P. 42–43.
39. Callon M. Some elements of a sociology of translation: domestication of the scallops and the fishermen of Saint-Brieuc Bay // Logos. – 2017. – V. 2. – P. 49–94.
40. Bloor D. Anti-Latour // Logos. – 2017. – V. 1. – P. 85–134.
41. Pestre D., Romero M. The new history of science: an interview with Dominique Pestre // Historia cincias saude-manuinhos. – 2016. – V. 23 (3). – P. 899–905.

Поступила 30.07.2018 г.

UDC 165.4:316.42.051

RECURSIVE PARADIGM IN THE STUDY OF THE HISTORY OF SOCIETY

Marina V. Demidova^{1,2},
demidovamv@rambler.ru

¹ Institute of Administration of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
23/25, Sobornaya street, Saratov, 410031, Russia.

² Saratov State University,
83, Astrakhanskaya street, Saratov, 410012, Russia.

Marina V. Demidova, Cand. Sc., associate professor, Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; master, Saratov State University.

***The relevance** of the study is determined by the systemic transformation of society in the context of globalization. It leads to a rethinking of the ways people exist as well as to the probability of changes in social and cultural norms and practices that make up the social memory of society. The main function of social memory is to maintain social identity. **The aim** of the research is to form a new recursive paradigm in understanding the history of society. **Methods.** The author researched the methodology for the study of social history. General scientific logical methods are used. The comparative, synergetic approaches, fractal theory, methodology of scientific research programs of I. Lakatos are applied. The process of fixing the scientific fact from the standpoint of the object and subject of knowledge is investigated. **Results.** The author has identified a discursive bias of modern scientific inquiry. This contributes to the falsification of social and historical knowledge. The paper proposes a new recursive paradigm of social knowledge, aimed at restoring a relation between the knowledge about a social fact and the fact of social reality itself. The use of the recursive paradigm of knowledge makes it possible to empirically test the existing theoretical knowledge and predict the facts. Thus, the protective belt of the research program is increased. The main methodological vectors of the proposed paradigm formation are determined. **Summary.** With the help of recursive paradigm it is possible to solve the problem of subjective distortion of fact at the stage of its fixation. This allows diagnosing the health of society more reliably. Subsequent discursive interpretations of facts contribute to their understanding and development of scientific knowledge. The use of the recursive paradigm of knowledge allows us to study the history of society from different angles, synthesizing different opinions of scientists. This contributes to a more holistic view of the history of society. The recursive paradigm complements the discursive paradigm and contributes to the correspondence of discourse to facts. The fruitfulness of the paradigm synthesis of knowledge is achieved within the framework of transdisciplinary philosophy.*

Key words: Science, methodology, knowledge, social history, historical memory, social risk, discourse, recursive paradigm, fact, fractal, transdisciplinarity, healthy society.

REFERENCES

1. Ustyantsev V.B. Riski v usloviyakh sistemnoy transformatsii sovremennogo sotsiума [Risks in the conditions of systemic transformation of modern society]. *Dulnovskiye chteniya «Sotsiologicheskaya diagnostika sovremennogo obshchestva»* [Dulnovsky readings «Sociological diagnostics of a modern society»]. Saratov, 12 February 2016. Saratov, Saratovskiy istochnik Publ., 2016. pp. 195–200.
2. Crumley C.L. Exploring Venues of Social Memory. *Social Memory and History: Anthropological Perspectives*. Eds. J.J. Climo, M.G. Cattel. Walnut Creek, Alta Mira Press, 2002. pp. 45–57.

3. Repina L.P. *Kulturnaya pamyat i problemy istoriopisaniya* [Cultural memory and historical writing problems]. Moscow, GU VShE Publ., 2003. 44 p.
4. Olick J., Robbins J. *Social Memory Studies: From Collective Memory to the Historical Sociology of Mnemonic Practices*. Annual Review of Sociology, 1998, vol. 24, pp. 105–140.
5. Anikin D.A. Memory «trauma»: design strategies in modern political discourse. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina*, 2014, vol. 2, no. 1, pp. 220–229. In Rus.
6. Anikin D.A. Transformatsiya istoricheskoy pamyati v obshchestve riska [Transformation of historical memory in a risk society]. *Lyudi i teksty. Istoricheskiy almanakh*, 2014, no. 5, pp. 83–108.
7. Toshchenko Zh.T. Trauma as a deformation of the evolutionary and revolutionary development of society (the experience of sociological theorizing). *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, 2017, no. 4 (396), pp. 16–26. In Rus.
8. Fromm E. *The Sane Society*. New York, Rinehart & Company, Inc., 1955. 370 p.
9. Smirnov P.I., Smirnov F.P. Zdorovye obshchestva: ot privychnoy metafory k nauchnomu ponyatiyu [Public health: from habitual metaphor to scientific notion]. *Rossiyskaya sotsiologiya: istoriya i sovremennye problemy* [Russian sociology: history and contemporary problems]. St. Petersburg, SPbGU Publ., 2007. pp. 207–222.
10. Martynovich S.F. Filosofiya i metodologiya istoricheskogo issledovaniya: problemy, metody, kontseptsii [Philosophy and methodology of historical research: problems, methods, concepts]. *Konflikty v sovremennom mire: mezhdunarodnoe, gosudarstvennoe i mezhluchnostnoe izmerenie* [Conflicts in the modern world: international, state and interpersonal dimension]. Moscow, Pero Publ., 2016. pp. 445–449. In Rus.
11. Kent S. Historical Sociology. *Montgomery Encyclopedia of sociology*. Eds. E.F. Borgatta, J.V. Rhonda. New York, Macmillan Reference USA, 2000. Vol. 2, pp. 1195–1202.
12. Nevvazhay I.D. The complementarity of constructivism and realism in epistemology. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2015, vol. XLIII, no. 1, pp. 83–97. In Rus.
13. Lektorskiy V.A. Mozhno li sovместit konstruktivizm i realizm v epistemologii? [Is it possible to combine constructivism and realism in epistemology?]. *Konstruktivizm v teorii poznaniya* [Constructivism in the theory of knowledge]. Moscow, INFRA Publ., 2008. pp. 31–42.
14. Blossfeld E.G. Objectivity in the historical dimension. *Lyudi i teksty. Istoricheskiy almanakh*, 2016, no. 8, pp. 136–146. In Rus.
15. Linčenko A., Anikin D. Revolution schlecht, Tradition gut Russlands Parteien und die Oktoberrevolution [Bad revolution, a good tradition of the Russian parties and the October revolution]. *Osteuropa*, 2017, no. 6–8, pp. 371–382. In Ger.
16. Martynovich S.F., Orlov M.O. Value foundations of human existence: a philosophical and socio-cultural analysis. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya «Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika»*, 2017, vol. 17, Iss. 4, pp. 398–404. In Rus.
17. Kron V. The risk of (in) knowledge: the change of functions of science in the knowledge society. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 2003, vol. VI, no. 3, pp. 69–89. In Rus.
18. Halbwachs M. La memorie collective [Collective memory]. *Revue française de sociologie*, 1998, no. 39-3, pp. 624–625. In Fr. Available at: https://www.persee.fr/doc/rfsoc_0035-2969_1998_num_39_3_4827 (accessed 28 July 2018).
19. Kuhn T. *The structure of scientific revolution*. Chicago, London, the University of Chicago Press, 1996. 210 p.
20. Popper K. Logik der Forschung [Logic of the research]. Wien, Springer-Verlag Wien GmbH, 1935. 254 p. In Ger.
21. Lakatos I. *Philosophical Papers. The methodology of scientific research programmes*. Cambridge, Cambridge University Press, 1978. Vol. I, 250 p.
22. Maroshi V.V. Chto est diskurs? [What is discourse?]. *Diskurs*, 1996, no. 2. Available at: http://old.nsu.ru/education/virtual/discourse2_27.htm (accessed 28 July 2018).
23. Potapenko S. Cognitive rhetoric of effect: energy flow as a means of persuasion in inaugurals. *Topics in Linguistics*, 2016, vol. 17, no. 2, pp. 12–25.
24. Demidova M.V. Methodology of post-non-classical science: a project of the recursive paradigm of social knowledge. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya*, 2015, no. 8 (48), pp. 20–23. In Rus.
25. Kokhanovskiy V.P. *Filosofiya i metodologiya nauki* [Philosophy and Methodology of Science]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 1999. 576 p.
26. Martynovich S.F. *Filosofskiy analiz nauchnogo fakta*. Avtoreferat Dis. kand. nauk [Philosophical analysis of the scientific fact. Cand. Diss. Abstract]. Saratov, 1973. 42 p.
27. Feerabend P. *Izbrannye trudy po metodologii nauki* [Selected Works on the Methodology of Science]. Moscow, Progress Publ., 1986. 542 p.

28. Gaydenko P.P. Informatsiya i znanie [Information and knowledge]. *Filosofiya nauki*. Iss. 3, Problemy analiza znaniya. Moscow, IF RAN Publ., 1997. pp. 185–190.
29. Zaychenko M.A. On the issue of presence of a recursive principle in the constructs of philosophy. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta*, 2010, vol. 4, no. 4, pp. 23–26. In Rus.
30. Mandelbrot B.B. *The Fractal Geometry of Nature*. New York, W.H. Freeman and Company, 1983. 460 p.
31. Zaychenko M.A., Latypova G.M. The recursion principle in the humanities and natural sciences. *Karelskiy nauchny zhurnal*, 2014, no. 1, pp. 27–30. In Rus.
32. Stepin V.S. Features of scientific knowledge and criteria for types of scientific rationality. *Epistemologiya i filosofiya nauki*, 2013, vol. XXXVI, no. 2, pp. 78–91. In Rus.
33. Arshinov V.I. Na puti k nablyudatelyu-konstruktoru innovatsionnoy slozhnosti [On the way to the observer-designer of innovative complexity]. *Innovatsionnaya slozhnost* [Innovative complexity]. St. Petersburg, Al-teya Publ., 2016. pp. 15–38.
34. Knyazeva E.N. Transdistsiplinarnaya kognitivnaya strategiya v nauke budushchego [Transdisciplinary cognitive strategy in the science of the future]. *Vyzov poznaniyu: Strategii razvitiya nauki v sovremennom mire* [Challenge to knowledge: Strategies for the development of science in the modern world]. Moscow, Nauka Publ., 2004. pp. 29–49.
35. Bogataya L. Transdistsiplinarnost: postneklassicheskiy rakurs [Transdisciplinarity: post-non-classical reception angle]. *Philosophy of Education*, 2015, no. 1 (16), pp. 168–182.
36. Golovanov E.D., Simonyan Sh.R. Hidden identification tags of electrophotographic equipment. *Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina*, 2017, no. 5 (33), pp. 182–188. In Rus.
37. Bourdieu P. Le Sens Pratique [Practical Sense]. Paris, Les Editions de Minuit, 1980. 277 p. In Fr.
38. Ignatow G. Beyond Bourdieu: from geneticstructuralism to relational phenomenology. *Contemporary sociology – a journal of reviews*, 2018, vol. 47 (1), pp. 42–43.
39. Callon M. Some elements of a sociology of translation: domestication of the scallops and the fishermen of Saint-Brieuc Bay. *Logos*, 2017, vol. 2, pp. 49–94.
40. Bloor D. Anti-Latour. *Logos*, 2017, vol. 1, pp. 85–134.
41. Pestre D., Romero M. The new history of science: an interview with Dominique Pestre. *Historia cincias saude-manuinhos*, 2016, vol. 23 (3), pp. 899–905.

Received: 30 July 2018.